

После того дня мир Чэн Муюня снова сузился.

Если раньше Хэ Юань просто не отходил от него ни на шаг, то теперь он и вовсе исчез, оставив наставника под охраной цепей из чёрного железа. Чэн Муюнь был надёжно заперт: сила магического массива не позволяла ему сделать и лишнего шага, а скованная истинная душа лишила возможности поглощать духовную энергию и заниматься культивацией.

Мужчине ничего не оставалось, кроме как лениво проводить дни в бамбуковом шезлонге на вершине пика. Он крутил в пальцах бамбуковую флейту, а когда становилось совсем неумоготу от скуки, насвистывал незатейливые мелодии, развлекая самого себя.

Спустя несколько дней такого безделья даже Система не выдержала.

[Ты же говорил, что собираешься принять радикальные меры, чтобы излечить Хэ Юаня от его сердечных демонов? И где они?]

Чэн Муюнь едва приоткрыл глаза.

«Терпение. Шкала прогресса давно замерла, так что без решительных действий не обойтись»

[Твои «решительные действия» — это целыми днями валяться на солнышке?]

От нечего делать Чэн Муюнь решил немного просветить свою непутевую помощницу.

«А как ты думаешь, куда делся Хэ Юань?»

[Ушел в затворничество, чтобы подавить своих демонов?]

Муюнь усмехнулся.

«Столько времени здесь провела, а всё такая же наивная»

[Но он же в тот вечер остановился! — возразила Система. — Разве то, что он не довел дело до конца, не доказывает, что его разум еще борется с безумием?]

Той ночью Хэ Юань действительно ушел. Казалось, он окончательно пришел в себя, раскаялся в своем непочтительном поведении и наказал себя затворничеством, решив больше не являться на глаза учителю. Любой другой на месте Чэн Муюня так бы и подумал и, скорее всего, вздохнул бы с облегчением.

Но Даосс-владыка не обольщался.

«Ты ошибаешься. Раз уж Хэ Юань тогда переступил черту, его сердечные демоны стали неуправляемыми»

Пусть той ночью всё и не закончилось чем-то непоправимым, тонкая грань приличий была стерта. Почтенный Меч уже нарушил священные узы ученика и учителя. Муюнь не верил, что тот сможет добровольно отступить.

«Угадай, чем он занят прямо сейчас?»

[И чем же?]

«Изучает тот самый древний массив», — Чэн Муюнь прокрутил флейту в пальцах и пару раз легонько постучал ею по ладони.

[Изучает массив? Зачем? Чтобы ты снова не сбежал?]

«Ты его недооцениваешь. Если я не ошибаюсь, он ищет способ вернуть мою душу в моё настоящее тело»

Система надолго замолчала, потрясенная этой догадкой. Спустя минуту она выдала, содрогнувшись:

[Он... он настоящий безумец.]

«Только сейчас заметила? — Муюнь усмехнулся. — Впрочем, я сам его подтолкнул. Намекнул, что это тело чужое. Долг наставника — указать ученику верное направление, если тот зашел в тупик»

[Да ты еще похлеще него будешь! — возмутилась Система. — Два сапога пара, вам бы обоим в темнице сидеть и других не трогать!]

«Это говорит та, что втайне мечтает о любви между учителем и учеником? — поддел её Муюнь. — Помолчала бы лучше»

Позабавившись над Системой, Чэн Муюнь поднялся, обошел вершину пика и присел в бамбуковой роще.

Ветер с тихим шелестом гулял в густой листве. Мужчина прислонился спиной к массивному стеблю бамбука и закинул голову, наблюдая за бликами солнца, пробивающимися сквозь

зелень. Он закрыл глаза и, прислушиваясь к звукам природы, внезапно прошептал:

— Скоро.

Постепенно его начало клонить в сон. Лень было двигаться, и он поддался дремоте.

Ветер ласково обвевал лицо, Чэн Муюнь мирно спал в тени рощи.

Разбудило его внезапное чувство невесомости. Разомкнув веки, он встретился с внимательным взглядом Хэ Юаня. Ученик держал его на руках.

— Наставник, здесь холодно. Вы можете простудиться.

— М-м-м... — лениво отозвался Муюнь. — Это тело принадлежит закаленному мечнику, это не тот мой прежний, разваливающийся на куски остов. Практику такого уровня простуда не страшна.

— И всё же, — отрезал Хэ Юань.

«Опять несет меня, как принцессу»

Муюнь мысленно посетовал на ситуацию. Ему вспомнился Цинь Ли — тот тоже питал слабость к подобным жестам.

Хэ Юань принес наставника в обитель и бережно опустил на постель. Поправив выбившуюся прядь его волос, он произнес тихим, мягким голосом:

— Наставник, мне нужно будет на время уйти в секретный зал под нами.

— Ты идешь в затвор, зачем мне об этом говоришь? — безучастно спросил Муюнь.

— Мои сердечные демоны не дают мне покоя, — ответил Хэ Юань. — Если наставник будет слишком далеко, я не смогу сосредоточиться на практике.

Чэн Муюнь промолчал. Его поразило то, с каким бесстрастным лицом Почтенный Меч Сюаньхун выдает подобные нежности. Словно так и должно быть.

Муюнь опустил взгляд на свои запястья, скованные чёрным железом:

— Я и так не могу покинуть Пик Вэньдао.

— Этого мало, — покачал головой Хэ Юань. — Это всё еще слишком далеко.

Муюнь нахмурился, и в его голосе прорезался гнев:

— И что ты предлагаешь? Запереть меня в том подземелье, чтобы я сидел и любовался на собственный труп?

На его щеках от возмущения выступил легкий румянец. В этот момент он совсем не походил на того строгого и холодного учителя, каким был прежде.

Хэ Юань на миг замер, а затем негромко произнес:

— Если вы того не желаете, я не стану принуждать. Мне достаточно того, что вы будете чуть ближе.

Встретившись с его тяжелым, темным взглядом, Муюнь решил, что не стоит перегибать палку. Нужно вовремя отступить.

— Хорошо.

Получив согласие, Хэ Юань поднялся и отвесил глубокий, подчеркнуто вежливый поклон:

— Благодарю, наставник.

Внешне он казался образцом почтительности, но то, что последовало за этим, отдавало форменным святотатством. Снаружи донесся скрежет металла о камень. Чэн Муюнь вышел к дверям обители и увидел, как перед входом вырастает решетка из чёрного железа, полностью перекрывая выход.

Хэ Юань подошел ближе и резким взмахом руки выпустил ауру меча. Воздух со свистом рассекся, но преграда даже не шелохнулась. Убедившись в надежности решетки, он наконец успокоился.

Чэн Муюнь холодно усмехнулся:

— Так вот чем ты был занят все эти дни? К чему тогда было это притворство с вопросами? Ты ведь всё равно сделал бы по-своему.

Хэ Юань опустил глаза и смиренно сложил руки:

— Да.

— А если бы я не согласился?

— Тогда мне пришлось бы усыпить наставника на некоторое время, — спокойно ответил он.

Безумец даже не пытался этого скрывать. Муюнь подавил желание закатить глаза и молча вернулся в спальню. Хэ Юань последовал за ним.

— Наставнику придется немного потерпеть, — проговорил он. — Я... скоро вернусь.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг передумал. Раскрыв ладонь, он протянул Муюню кольцо-хранилище.

— Наставник, это ваше... Вещь должна вернуться к законному владельцу.

Муюнь присмотрелся. Это действительно было то самое кольцо, которым он пользовался при жизни.

— Где ты его взял?

Хэ Юань уже скрылся в проходе тайного лаза, и лишь его голос эхом донесся из темноты:

— Тогда, на поле битвы праведников и демонов.

Тяжелая плита с грохотом закрыла вход. Чэн Муюнь стоял, сжимая артефакт в руках, и долго не мог пошевелиться. Хэ Юань сказал об этом так просто, будто речь шла о пустяке, но Даосс-владыка слишком хорошо знал, как трудно было отыскать крошечное кольцо в хаосе того кровавого побоища.

Он сел на край кровати, замороженно глядя на украшение.

Спустя долгое время Система робко спросила:

[Ты... ты дрогнул?]

Муюнь вздохнул.

«Нет. Напротив, я стал еще тверже в своем решении. Как я могу позволить такому хорошему ребенку погубить свое Дао? Я обязан помочь ему преодолеть демонов и вознестись»

Даже если это был лишь вымышленный мир, Чэн Муюнь, как наставник, искренне желал

своему ученику достичь вершин совершенствования.

С этими словами его божественное чувство без колебаний проникло в кольцо-хранилище. После смерти хозяина духовная метка исчезла, и доступ был открыт. Прошло немало времени, прежде чем Муюнь не выдержал и грязно выругался.

— Проклятье!

Так вот в чем была причина его краха.

На его ладони вспыхнул призрачный свет, и появилась прозрачная жемчужина.

«Система, кажется, в крахе этой мировой линии ваша контора виновата как минимум наполовину»

[В смысле? При чем тут мы? Что это вообще такое?]

«Вещь, оставшаяся от моей матери»

[Что?]

Муюнь, не колеблясь, открыл для Системы доступ к Жемчужине хранения образов. Эта жемчужина принадлежала матери Чэн Муюня и хранила записи о том, как её предали на поле боя — важная сюжетная зацепка.

В тот день, когда Хэ Юань привел истинную героиню в орден и на коленях умолял наставника спасти её, Чэн Муюнь находился в своей обители и смотрел записи этого артефакта.

Тогда навязанная ему «любовь» еще не выветрилась. Ненависть к демонам, постыдная страсть к ученику, мучительное раскаяние из-за нарушения законов морали — этот коктейль чувств ударил по его сознанию.

В то мгновение Муюнь пал жертвой сердечных демонов.

Жемчужина запечатлела всё: его безумие, то, как он раз за разом полосовал мечом свои ладони, пытаясь болью заглушить противоестественное влечение к ученику. На записи он в исступлении шептал слова любви, а затем впадал в ярость и калечил себя, стараясь остановиться. Он выглядел как настоящий сумасшедший.

Лишь в конце, сломленный физической болью, он пришел в себя, проглотил исцеляющую пилюлю, привел одежду в порядок и с невозмутимым видом вышел из пещеры.

[Ох... ничего себе...]

Мужчина был близок к отчаянию.

«Как же так... Когда тот приступ закончился, навязанные чувства ушли. Я и подумать не мог, что эта жемчужина зафиксирует моё безумие»

Обычно такие артефакты записывают лишь один раз. Но эта жемчужина была особенной: запечатлев события на поле боя, она каким-то образом позволила сделать еще одну запись.

Чэн Муюнь просчитал всё, но не учел этой случайности. В свое время он уничтожил в обители все улики, которые могли бы выдать его чувства к ученику. Но Жемчужину хранения образов матери он тронуть не мог — она была для него напоминанием о кровной мести.

После того как он формально ступил на путь демонов, он больше не доставал этот артефакт, чтобы не вызывать подозрений, и так и не узнал его секрета. Оказалось, что именно эти записи стали источником одержимости Хэ Юаня и породили его сердечных демонов.

Муюнь замер, словно пораженный молнией. Спустя вечность он рухнул на кровать и прошептал:

— Сам же себе яму вырыл. Как же я жалею... Если бы я только знал...

Система попыталась его утешить.

[Ну, ничего страшного. Шкала прогресса ведь на месте?]

Это слабое утешение, как ни странно, попало в самую точку. Чэн Муюнь не был из тех, кто долго предаётся унынию. Раз уж так вышло, нужно придерживаться плана.

Он поднялся и начал мерить шагами комнату. Он переставлял мебель, менял местами безделушки, а затем достал из кольца материалы и принялся вырезать из них маленькие фигурки.

Всё то время, что Хэ Юань провел в подземелье, Муюнь мастерил эти игрушки. Он казался совершенно спокойным и даже довольным своим занятием. Система допытывалась, зачем ему это, но он лишь загадочно улыбался и отвечал, что делает подарки для ребенка.

***

Каменная дверь тайного хода открылась, и Хэ Юань вышел наружу. Его взгляд тут же упал на

Чэн Муюня — тот сидел на ледяном ложе, склонив голову над очередной поделкой.

Мужчина некоторое время молча наблюдал за наставником. Он не решался прервать его, пока тот не нанес последний штрих и не отложил нож.

— Наставник.

Муюнь поднял голову и поманил его рукой:

— Подойди.

Хэ Юань послушно сел на край постели. Муюнь раскрыл ладонь:

— Это тебе.

На его руке лежала подвеска для меча, вырезанная из бамбука в форме кролика. Хэ Юань долго смотрел на неё, прежде чем взять. Когда-то, когда он только начал тренироваться с настоящим мечом, наставник подарил ему точно такую же.

Он никогда не расставался с тем подарком, пока однажды, во время первого испытания в тайных землях, не потерял его, едва избежав гибели.

Пальцы Хэ Юаня судорожно сжались, в его глазах отразилась внутренняя борьба. Чэн Муюнь молчал, безмятежно глядя на ученика.

Они долго сидели в тишине.

Муюнь потянулся вперед и извлек Меч Рассвета из ножен за спиной Хэ Юаня. Обычно мечники хранят оружие в своей Пурпурной обители, но Хэ Юань по привычке, привитой наставником, чаще носил его за спиной.

Хэ Юань не шелохнулся. Если бы кто-то другой посмел коснуться его меча, тот уже был бы мертв.

Муюнь прикрепил подвеску к эфесу и легким движением вернул клинок в ножны.

Наконец Почтенный Меч Сюаньхун заговорил:

— Наставник знает, что я собираюсь сделать, верно? И даже если так... я не изменю своего решения.

Чэн Муюнь ничего не ответил. Он встал, поправил складки одеяния, смявшиеся от долгого сидения, и направился к потайному ходу.

— Идем.

Хэ Юань молча последовал за ним, плотно сжав губы. В его голове роились тяжелые мысли.

Они спускались всё глубже в подземелье, пока снова не оказались в секретном зале. Но теперь комната изменилась до неузнаваемости: каждый дюйм пола и стен был покрыт сложнейшими магическими письменами.

Это был великий массив. И в самом его центре покоилось прежнее тело Чэн Муюня.

Голос Хэ Юаня раздался из-за спины:

— Ступайте в массив, наставник.

<http://bllate.org/book/15360/1423739>